

Пообещать наставнику «остаться» для командира Пэя означало подписать очередную кабалу еще на десять лет. Впрочем, все его мысли сейчас занимал жених.

Он снова сначала сделал, а потом поставил перед фактом — столь судьбоносное решение Пэй И еще не успел обсудить с Чжан Шаочи. Впрочем, откровенный разговор все равно ничего бы не изменил.

Сам Чжан Шаочи в последнее время с головой ушел в бизнес, мотаясь по командировкам из одного мегаполиса в другой. На его плечи вот-вот должна была лечь тяжелая ноша содержания семьи, так что свои дышащие на ладан конторы требовалось сохранить во что бы то ни стало.

Стоило объявить о возвращении генерального, как парковка под офисным зданием забила в несколько рядов. Тут же, словно почуяв добычу, слетелись все местные кумушки и мелкие сошки — отметить перед начальственным окном.

В буфете секретарши увлеченно перемывали кости начальству: судачили, будто «принцесса» Сюй Жань в самый обед лично притащила боссу жареное мясо из какого-то культового заведения. Проявил, так сказать, трогательную заботу.

Чжан Шаочи на это лишь хмыкнул и сухо обронил:

— Какая похвальная сыновняя почтительность.

Шеф проводил совещание за совещанием, не покидая переговорную часами. Время от времени из-за плотно закрытых дверей доносился его раскатистый бас; менеджеры выскакивали в коридор с бледными, напряженными лицами.

В разгар этого хаоса нарисовался Ду Минцзюнь — давний приятель Чжана еще по министерскому ведомственному двору.

Ду Минцзюнь о последних шпионских страстях понятия не имел. Он просто привык время от времени заглядывать к старому другу — проверить, нельзя ли разжиться деньжатами или, на худой конец, попользоваться чужой щедростью.

Не обращая внимания на робкие протесты секретарей, он — как-никак рос с Чжан Шаочи в одном дворе и считал себя неприкосновенной персоной — бесцеремонно толкнул дверь в переговорную и ввалился внутрь.

Чжан Шаочи как раз допил остывший кофе и, протянув чашку помощнику, велел:

— Еще одну.

Затем вскинул голову и поморщился:

— А, это ты.

Лицо Ду Минцзюня расплылось в слащавой улыбке, собравшись складками, как перезревшая хризантема.

— Сколько лет, сколько зим! Ба, да ты загорел как! Прямо сам на себя не похож.

Чжан Шаочи сидел в безупречном дорогом костюме, с аккуратно уложенными волосами и гладко выбритым подбородком. Взгляд его глубоких глаз оставался ироничным.

— Хм. Не похож, говоришь?

Ду Минцзюнь заскользил масляным взглядом по аккуратным вискам приятеля, опустил к расстегнутому на три пуговицы воротнику белоснежной рубашки, за которым угадывался рельеф крепкой груди... Чертовски хорош, шельма.

Этот зрелый, породистый мужик с годами становился только притягательнее. «И какому только везучему ублюдку или бабе достанется это сокровище?» — завистливо подумал Ду Минцзюнь, и на душе у него заскребли кошки.

Он заискивающе придвинулся ближе:

— Гляжу, настроение у тебя боевое? И прибарахлился знатно. Решил под старость лет в первые красавцы записаться?

Чжан Шаочи одарил его снисходительной ухмылкой.

— Слово «под старость» из лексикона вычеркни. Оставь просто «красавец».

Сидевшие за длинным столом начальники отделов дружно уткнулись в документы, отчаянно пытаясь сохранить каменные физиономии.

— Где тебя черти носили столько времени? — вполборота спросил Ду Минцзюнь. — Я тебя месяца три не видел. Ты что, в Африку провалился?

— Именно, — кивнул Чжан Шаочи.

Ду Минцзюнь лишился дара речи. Спустя секунду он прыснул, сочтя это за нелепую шутку:

— Да ладно тебе заливать! Ты — и в Африку? И что ты там делал, позволь спросить? Бегал по саванне со львами совокупляться?

Чжан Шаочи сощурился, в глазах его промелькнула опасная искра.

— Именно так. Можешь считать, что совокупнялся со львами.

Один из менеджеров не сдержался и прыснул в кулак, тут же испуганно округлив глаза.

— О как, — язвительно хмыкнул Ду Минцзюнь. — Неужто завел интрижку на стороне? Ну и когда нам ждать приглашения на свадьбу?

— Скоро, — без тени смущения отрезал Чжан Шаочи. Он обвел взглядом присутствующих и во всеуслышание объявил: — Я женюсь до конца этого года.

В переговорной повисла гробовая тишина. Присутствующие ошарашенно уставились на босса, а в воздухе словно отчетливо зазвучал хруст разбитого вдребезги эго старого Ду.

— Поздравляем, шеф! — подчиненные мигом сообразили, что к чему, и разразились бурными, восторженными аплодисментами.

Чжан Шаочи благодушно отмахнулся. Настроение у него было слишком хорошим, чтобы тратить время на пустую болтовню. Опершись локтями о стол, он кивнул секретарю:

— Продолжай. Что там с презентацией в Гонконге? Каковы сроки...

Жест этот недвусмысленно давал понять: «Денег я тебе не дам, мне самому скоро пригодятся», «Интрижки с тобой меня не интересуют, у меня есть тот, кого я люблю, так что катись отсюда к чертям». Ду Минцзюню ничего не оставалось, кроме как не солоно хлебавши убраться вон.

Раздосадованный Ду Минцзюнь уныло поплелся прочь. Тем временем в комнате отдыха сотрудники уже вовсю судачили наперебой: «Слышали? Чжан-цзун женится! С ума сойти, неужели такой прожженный холостяк способен остепениться? Интересно, кто избранница? Или избранник? Боже, на ком он вообще женится? Да и кто по своей воле пойдет за него?!» Сплетни множились со скоростью лавины.

Мрачнее тучи Ду Минцзюнь налил себе кофе и уже собирался развернуться, как его едва не задел прохожий. Мимо пронесся тонкий шлейф дорогого одеколona. Высокий, подтянутый мужчина скользнул мимо; даже со спины в его осанке угадывалась безупречная выправка.

В следующую секунду коврик под ногами Ду Минцзюня с мерзким шорохом поехал в сторону. Потеряв равновесие, грузный босс со всего маху шмякнулся на пол.

— Мать твою!..

На глазах у изумленной публики Ду Минцзюнь плашмя растянулся посреди комнаты отдыха, чувствительно приложившись подбородком. Пролитый кофе мгновенно расплылся по дорогой рубашке уродливым бурым пятном. Собравшиеся вокруг сотрудники едва сдерживали смех, принимаясь наперебой «сочувствовать»:

— Босс Ду, вы целы? Да ладно вам, Чжан-цзуну давно пора остепениться, не принимайте вы так близко к сердцу! Не стоит так убиваться из-за чужой свадьбы, право слово!

Эlegantный виновник падения брезгливо окинул распластанное тело ленивым взглядом и непринужденно покрутил носком туфли, разминая щиколотку.

Спустя пару дней на имя Ду Минцзюня в его собственный офис доставили огромную коробку, доверху набитую интимными девайсами всех калибров и расцветок — вплоть до реалистичных изделий из высококачественного силикона. К посылке прилагалась записка с вежливым пожеланием «пользоваться на здоровье». Сплетня об этом презенте мгновенно облетела весь бизнес-клан, а несчастный босс Ду так и не докопался, чьих рук это было дело.

Приталенный пиджак в тонкую клетку безупречно сидел на узкой талии, подчеркивая легкую, слегка небрежную грацию. Длинные ноги так и приковывали взгляды прохожих в коридоре. Шедшие навстречу сотрудники сворачивали шеи: неужели компания подписала какого-то нового потрясающего красавчика?

Дверь в переговорную тихо приоткрылась, впуская очередного гостя без приглашения.

Перед самым носом Чжан Шаочи аккуратно опустилась чашка с дымящимся напитком.

— Ваш кофе, шеф.

Чжан Шаочи удивленно поднял взгляд и на миг опешил. Жесткие черты его лица тут же смягчились.

Пэй И прослышал, что в офисе жениха в последнее время слишком оживленно, и после недолгих раздумий решил лично навеститься с проверкой. Заодно планировалось выяснить, не вертелась ли поблизости «принцесса» Сюй Жань или еще какая назойливая шушера.

Чжан Шаочи, не выдавая своего волнения, сделал движение, собираясь подняться:

— На сегодня закончим. Все свободны, я...

— Не смею прерывать совещание, — Пэй И мягко, но властно удержал его за плечо, усаживая обратно в кресло, и тихо шепнул на ухо: — У меня лишь один вопрос. Ты действительно во всеуслышание заявил, что женишься до конца года?

Чжан Шаочи кивнул:

— Именно так. Имеешь что-то против?

Пэй И обезоруживающе улыбнулся. Они замерли, глядя друг другу в глаза. Сидевшие за столом подчиненные окончательно растерялись, переводя взгляды с одного на другого.

Не удержавшись, Пэй И приподнял подбородок Чжан Шаочи и, наплевав на приличия, запечатлел на губах мужчины собственнический, долгий поцелуй.

Осознав легкую неловкость сцены, он тут же отстранился, развернулся и стремительно выскочил за дверь, оставив после себя густо покрасневшего босса и застывших с разинутыми ртами подчиненных.

Для самого Пэй И этот порыв был чистейшим проявлением собственнического инстинкта. Словно крупный хищник семейства кошачьих, ревностно оберегающий свои владения, он этим поцелуем очертил границы дозволенного, недвусмысленно дав понять конкурентам: этот самец принадлежит только ему.

Разумеется, Чжан Шаочи приложил усилия, чтобы замять инцидент, но досужие кумушки все равно переиначили историю на свой лад, превратив ее в сочную сплетню о том, как «молоденький стажер бесстыдно обласкал босса прямо посреди совещания, выбивая себе контракт».

И только личный секретарь Чжан Шаочи знал истинное положение дел: загадочный красавец практически сразу был бесцеремонно увлечен боссом в кабинет под предлогом обсуждения рабочих моментов. Дверь закрыли на засов. Это приватное «обсуждение» затянулось на добрых два часа, причем из-за тяжелых дубовых дверей с хваленой звукоизоляцией периодически доносились звуки, совершенно не похожие на деловые дебаты.

Шестигранное здание министерства наконец вернуло себе былую суровость.

Впрочем, его былая слава никогда и не тускнела. Величественная цитадель среди поросших лесом холмов хранила память о поколениях безвестных бойцов. В багряных лучах заката она молчаливо взидала на бури внешнего мира, страницу за страницей заполняя свои строгие архивы.

Глубокой ночью Пэй И все еще оставался в кабинете, разгребая бумажный хаос после закрытия дела. Новоприбывший секретарь протянул ему запечатанный пакет:

— Шеф, это материалы после финальной проверки аналитиков. Кажется, по делу о похищении в аэропорту Яньчэна, за которым стоял синдикат У Тинмао, у нас наконец сложилась ясная картина...

Пэй И сорвал сургучную печать, пробежался глазами по плотным листам и устало потер виски. Снова навалилась головная боль.

— Помочь этому старому лису просочиться через границу прямо в Яньчэн, да еще и проверить захват заложников... Я знал, что здесь замешан кто-то из своих, — негромко

пробормотал он.

Запустив рабочий терминал, он вывел на экран архивы того безумного дня, когда хакеры взломали внутреннюю сеть Шестого отдела. Кадр за кадром на мониторе всплывали изображения игральных карт, ослепляя пестротой символов, имен и позывных.

Если сложить первые буквы всех взломанных кодовых имен, получалось лишь одно короткое латинское выражение: *Te Amo*...

Картинка наконец сложилась. Так вот к какому финалу вела эта кривая дорожка.

Изящные, вычурные готические литеры на весь экран походили на безмолвный, истошный крик — отчаянную попытку докричаться сквозь пелену безумия. Тот, кто питал эту извращенную, выжигающую душу страсть, уже никогда не сможет от нее освободиться.

Вернувшись домой в предутренних сумерках, Пэй И вопреки обыкновению не стал на цыпочках пробираться в гостевую спальню. Он поднялся прямо в хозяйскую спальню, бесцеремонно забрался под теплое одеяло и уткнулся лицом в широкую грудь Чжан Шаочи.

Он обхватил Чжана обеими руками и долго, очень долго не отпускал.

Почувствовав неладное, Чжан Шаочи поплотнее прижал парня к себе, укутал в пуховое одеяло и принялся неторопливо поглаживать по спине, баюкая и успокаивая.

Наконец Пэй И высвободил лицо из-под одеяла:

— В тот день в аэропорту я всю голову сломал: как умирающий У Тинмао умудрился преодолеть тысячи ли, пересечь границу и возникнуть прямо перед нами? Мы ведь собственными глазами видели, как вертолет врезался в скалу над водопадом и рухнул в бездну.

— Похоже, ему повезло вывалиться за водяную стену, в ту самую расщелину на скале, которую мы прочесывали, — глухо отозвался Чжан Шаочи. — Помнишь кровь на камнях?

— Вот именно. Но он был при смерти, израненный в клочья. Кто-то вытащил его из каньона, вывез из оцепления, пока полиция прочесывала каждый метр, — прошептал Пэй И.

— Опять у местных копов завелась крыса? — с пренебрежением хмыкнул Чжан Шаочи.

— Нет, на этот раз дело не в продажной полиции, — покачал головой Пэй И. — Мы докопались до правды, но этот отчет, скорее всего, ляжет в архив под грифом «совершенно секретно» и никогда не увидит свет. Ты ни за что не поверишь... У Тинмао спас и привез в Яньчэн Лэй По. Он же спланировал нападение на мою семью в аэропорту.

Чжан Шаочи изумленно приподнял брови. Даже для его закаленной психики это звучало дико.

Истина, которая не укладывалась в голове у обывателя, но оставалась кристально ясной. Лэй По, годами скрывавшийся в глухих лесах подобно мстительному призраку, был единственным, кто обладал достаточными ресурсами и наглостью, чтобы умыкнуть умирающего наркобарона прямо из-под носа у спецподразделений.

Однако вытащил он его не из жалости. Он подлечил старика лишь для того, чтобы подтолкнуть его к безумному шагу — притащить в Яньчэн прямо под прицел Шестого отдела и заставить разыграть этот спектакль с заложниками. Это была его последняя, отчаянная ставка.

Старый опиумный король проиграл эту партию вчистую. Снайперы Шестого отдела на месте изрешетили его пулями, не оставив ни единого шанса.

Старому наркобарону при всем его коварстве не под силу было переиграть асов из Шестого отдела.

Он послужил сакральной жертвой — умирающей куклой, которую Лэй По цинично швырнул под ноги Шестому отделу. Кровавый старик сполна заслужил свою участь, но кое-кто решил сделать его смерть максимально полезной для своих целей.

Багровый закат окрасил небо над пригородом Яньчэна в кровавые тона. Все, кто там был, помнят ту страшную развязку.

Ослепленный яростью и искусно выстроенной ложью, обезумевший старик вскинул ствол и нажал на спуск, целясь в своего спасителя...

Ветер трепал его длинные волосы, пока свинец рвал плоть. Лэй По получил две пули в шею и плечо. Обливаясь кровью, он сорвался со второго яруса эстакады прямо на глазах у замерших от ужаса оперативников...

Пэй И сипло закончил свою мысль:

— В итоге всю эту безумную пьесу с самоубийственным финалом срежиссировал сам Лэй По. Спектакль ставился ради одного-единственного зрителя — моего отца. Своим спасением он хотел навек привязать его к себе чувством вины и долга. На собственную жизнь ему было плевать, он метил прямо в сердце Ли Ханьцзяня.

Чжан Шаочи тяжело вздохнул, не в силах постичь эту извращенную, граничащую с безумием привязанность.

— Мне чертовски повезло, слышишь? — Пэй И прильнул к нему, неистово целуя в губы, щеки, лоб. — Повезло, что ты любишь именно меня. Что ты верен мне и вчера не объявил о помолвке с кем-то другим. Не то я бы сам лишился рассудка и сотворил нечто подобное.

Чжан Шаочи, отродясь не веривший ни в бога, ни в черта, мысленно пробормотал пару молитв и перекрестился.

Обнимать любимого человека, знать, что он готов разделить с тобой жизнь до последнего вздоха, чувствовать его безраздельную преданность и теплое дыхание на своей груди — черт возьми, это и есть величайшая милость судьбы. Далеко не каждому выпадает этот покой, но именно ради таких финалов и стоит жить.

Прошел месяц. Приближались новогодние праздники.

На северном побережье Средиземного моря, в стороне от шумных туристических троп, примостился небольшой белый дом. С его открытой террасы открывался величественный вид на бескрайнюю синеву, сливающуюся на горизонте с чистым небом.

Время здесь словно замерло: круглый год царило благодатное тепло, идеальное для того, чтобы залечивать телесные и душевные раны.

На террасе в инвалидном кресле сидел человек с длинными, рассыпавшимися по плечам волосами. Черная свободная одежда скрывала его израненное, хрупкое тело, а колени были бережно укутаны теплым шерстяным пледом.

Лэй По неподвижно сидел так уже несколько часов, устремив отрешенный взгляд вдаль. Его янтарные глаза в лучах полуденного солнца отливали блеклым золотом, но в них больше не было прежней дикой, хищной искры. Он лишь заворуженно, по-детски провожал глазами кружащих в поднебесье чаек.

Птицы парили в восходящих потоках ветра, то опускаясь к воде, то исчезая в синеве — бесконечный, не поддающийся счету хоровод.

По тропинке к дому поднялся рослый, крепко сбитый мужчина в простой светлой рубашке и брюках. Солнцезащитные очки скрывали его лицо, успевшее покрыться густым бронзовым загаром.

Ли Ханьцзян поставил на стол пакет с продуктами, подошел к креслу и, осторожно развернув его, завез Лэй По в прохладную гостиную, чтобы бережно переложить на постель.

Он окончательно отказался от всех постов в Шестом отделе, подал в отставку и увез с собой так и не оправившегося от ранений, безвозвратно потерявшего рассудок Лэй По.

Этим двоим больше не суждено было вернуться в шумный Яньчэн — они выбрали добровольное изгнание и вечное скитание вдали от родины.

Сменив дорожную одежду, Ли Ханьцзян обернулся к постели:

— Отдыхай, мне нужно ненадолго отлучиться в лавку. Хочешь послушать музыку или сразу ляжешь спать?

Лэй По заторможенно повернул к нему лицо, в его глазах плескалась глухая растерянность:

— Разве у нас есть время отдыхать?.. Пришел приказ? Когда выступаем, где точка сбора?

Ли Ханьцзян на секунду замер, после чего тихо ответил:

— Новых заданий нет. И больше не будет. Спи.

Разум Лэй По покинул его; он часто путал времена и лица. Память милосердно стерла последние годы кошмаров, вернув его в пору ранней юности, когда ему было не больше десяти лет.

Лэй По доверчиво сощурил сияющие янтарные глаза и послушно кивнул:

— Хорошо, шисюн.

Ли Ханьцзян задержал на нем долгий, полный невысказанной боли взгляд, молча повернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Оставшись один, Лэй По прислушался к тихой мелодии, доносившейся из гостиной. Он потянулся к спинке стула, стащил оттуда оставленный пиджак Ли Ханьцзяня, прижал его к груди, вдыхая знакомый запах, и на его губах заиграла безмятежная, чистая улыбка.

Он посмотрел в окно. По дорожке, спустив руки в карманы брюк, неторопливо шел Ли Ханьцзян, и легкий средиземноморский ветер шевелил воротник его рубашки.

Внезапно застывшая в глазах Лэй По пелена безумия бесследно растаяла. Янтарные зрачки вновь налились прежней, острой как бритва осознанностью, заблестев от подступивших слез. Там, где его шисюн уже не мог этого увидеть, уголки губ Лэй По медленно приподнялись в едва заметной, торжествующей и загадочной усмешке.

Чжан Шаочи заранее спланировал их следующую поездку, твердо заявив Пэй И: мы возвращаемся в Рим.

Он позвонил ему прямо из офиса:

— Я каждый год в эти даты уезжаю из страны на месяц. Собирайся.

— Ладно, — рассмеялся в трубку Пэй И. — Выбью у начальства отпуск и составлю тебе компанию.

— Хочу заказать тебе новую пару обуви у того старого итальянского мастера. Поедешь?

— Поеду, — улыбка Пэй И была слышна даже сквозь километры телефонных проводов. — Кому же еще тебе обувь заказывать, если не любимому мужу?

И вот они снова летели над Средиземным морем. Влюбленные исходили старые римские кварталы вдоль и поперек: сидели на нагретых солнцем ступенях античного амфитеатра, загадывали желания у фонтана Треви и целовались, прячась от полуденного зноя в тени той самой узкой улочки, где когда-то покупали клубничное джелато.

На их безымянных пальцах теперь красовались одинаковые обручальные кольца. Пэй И то и дело тащил жениха за собой, заставляя воссоздавать старые кадры — но теперь на их лицах не было масок, а в глазах читалась безмятежность людей, обретших долгожданную гавань.

Бездна, через которую они прошли, научила их ценить каждое мгновение вместе. Лишь тот, кто балансировал на грани жизни и смерти, знает истинную цену настоящей близости.

На каждом снимке они обжимались как безумные. То Пэй И с разбегу запрыгивал на Чжан Шаочи, обхватив его ногами за пояс, то прижимался губами к его щеке, лукаво косясь в объектив смартфона. На заднем плане высились терракотовые склоны каньона, переходящие в бескрайнюю бирюзу морского залива.

Посреди этого безмятежного медового месяца командир Пэй ухитрился снова испариться на сорок восемь часов.

Чжан Шаочи едва не поседел от злости и страха. Свадебные туфли уже ждали примерки, а жених решил устроить очередной побег? Ветреный характер этого несносного мальчишки и его вечно жаждущая адреналина душа, казалось, не поддавались никакому укрощению.

На самом деле Пэй И получил несколько зашифрованных сообщений от отца и официальное уведомление от поверенных — дела требовали его срочного присутствия на Сицилии.

Некогда могущественный китайский магнат, державший в страхе порты Сицилии, под шумок покинул арену, оставив прессу теряться в догадках. Часть его теневых активов попала под арест, но львиную долю удалось спасти — верфи были распроданы, а баснословные суммы переведены в офшоры.

Легендарный «Господин Цзян», чье имя навсегда вошло в историю контрабандных войн Средиземноморья, оставил Пэй И в наследство роскошное поместье на побережье, переоформив все права собственности на его имя.

Без лишних слов и пафоса это стало отцовским благословением — свадебным подарком сыну.

На счетах в швейцарских банках обнаружили столь астрономические суммы, что у выдавшего виды спецагента пошла кругом голова. Подумать только: без малого тридцать лет он считал себя безродным сиротой, перебивающимся на скудное государственное жалованье, а теперь стал едва ли не богаче самого Чжан Шаочи! При желании он мог бы с самым независимым видом заявить, что берет мужа на полное содержание.

Наконец-то он обрел свои корни и твердо знал: в его жилах течет благородная, чистая и сильная кровь. Однако горькое осознание правды принесло с собой и неизбежное понимание: отца он потерял навсегда.

Сицилийское побережье утопало в солнце, у пирсов покачивались белоснежные мачты яхт. На песчаном пляже лениво нежились полуобнаженные отдыхающие, а раскормленные чайки деловито вышагивали у кромки воды.

Пэй И, скинув туфли и подхватив их за задники, неторопливо брел вдоль линии прибоя.

Поднявшись по каменной лестнице, он замер у кованых дверей виллы. Отец сюда больше никогда не вернется.

В просторных комнатах виллы все оставалось точно таким же, как в день отъезда Ли Ханьцзяня. Наемный персонал исправно поддерживал идеальный порядок, а садовник усердно подравнивал кусты роз во внутреннем дворе.

Пэй И медленно переходил из комнаты в комнату, бережно, с замиранием сердца касаясь вещей, принадлежавших его отцу, словно пытаясь впитать и навсегда сохранить в памяти образ этого человека.

В сумерках он устроился на террасе, откупорив бутылку старого коллекционного вина из личного погреба отца. Он пил мелкими глотками в полном одиночестве, глядя на заходящее солнце.

Осушив бокал, он поднялся на второй этаж и вошел в просторную спальню хозяина.

Немного посидев на краю огромной кровати, он поддался внезапному порыву и включил стоящую на тумбочке аудиосистему.

Внутри проигрывателя оказался забытый диск. Из динамиков полилась чистая, щемящая душу мелодия:

You raise me up, so I can stand on mountains...

You raise me up, to walk on stormy seas...

Пэй И застыл, не в силах пошевелиться, вслушиваясь в величественный вокал.

Горячие слезы мгновенно хлынули из его глаз, капая на воротник тонкой рубашки. Плечи его затряслись от беззвучных рыданий.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Перед глазами закружились картины прошлого: серебристый спорткар, летящий по серпантину над изумрудной бездной, безумная скорость, пламя пожарищ и верные соратники — все это навсегда останется в его сердце нерушимой, священной памятью.

Заглянув в шкафчик у кровати, он обнаружил аккуратную стопку из десяти совершенно одинаковых альбомов. Эту старую пластинку Джоша Гробана, видимо, отец ценил превыше всего — купил сразу десяток копий про запас, чтобы слушать ее в те долгие, тихие ночи, когда лунный свет заливал пустынный пляж за окном.

When I am down and, oh my soul, so weary;

When troubles come and my heart burdened be;

Then, I am still and wait here in the silence,

Until you come and sit awhile with me.

You raise me up, so I can stand on mountains;

You raise me up, to walk on stormy seas;

I am strong, when I am on your shoulders;

You raise me up... To more than I can be.

Внизу неожиданно и настойчиво зазвонил домофон.

Звонок повторился раз, другой. Пэй И поспешно стер слезы, шмыгнул носом и пошел открывать.

На пороге стоял элегантный мужчина в длинном кофейном пальто. В руках он держал объемистый бумажный пакет с продуктами.

— Впустишь?

Из-за застилавших глаза слез силуэт мужчины на миг показался Пэй И до боли знакомым. Он чуть было не обозначился.

— Эх, — разочарованно протянул он, разворачиваясь и уходя в глубь дома. — А я уж на секунду подумал, что отец вернулся.

Чжан Шаочи вошел в прихожую, шурша пакетом с овощами, и ворчливо отозвался:

— Да, твой папочка вернулся! И даже ужин принес.

Пэй И беззлобно фыркнул:

— Не мели чушь, никакой ты мне не отец.

— Это еще почему? — Чжан Шаочи прижал его к себе свободной рукой. — По-моему, вполне сойду.

Чжан Шаочи не стал устраивать допрос с пристрастием, выяснять, зачем тот уехал без предупреждения, и устраивать сцены ревности. Они понимали друг друга без лишних слов. Он просто приехал с продуктами, ведя себя так буднично, словно вернулся домой после обычного рабочего дня.

Чжан Шаочи вальяжно раскинул руки в стороны, всем видом изображая вернувшегося во дворец императора и безмолвно требуя, чтобы его обслужили по высшему разряду.

Пэй И со смешком приблизился, помогая снять тяжелое пальто и переодеться в домашнее. Помощь с гардеробом ожидаемо переросла в безмолвные объятия, собственнические ласки и глубокие, горячие поцелуи, уводящие за грань невинных нежностей.

— Ну что, расскажешь папочке, где пропадал? Или у нас на вечер другие планы? — низкий, хрипловатый голос Чжан Шаочи в полумраке спальни звучал чертовски соблазнительно.

— Да ну тебя, прекрати, — притворно нахмурился Пэй И, хотя в его глазах уже плясали чертики. — Я вообще-то парень порядочный и скромный. Не думай, что если природа наградила тебя такой смазливой мордашкой, то тебе все сойдет с рук...

— Тогда как насчет того, чтобы примерить пару совершенно непорядочных поз? — прошептал Чжан Шаочи, прикусывая его нижнюю губу. — Помнишь тот изящный кожаный комплект из ошейника и браслетов, что мы присмотрели на аукционе в королевском дворце? Я прихватил его с собой... Хочешь попробовать?

— А может, ты сначала сам покажешь мне пример и попозировешь на кровати? — дерзко парировал Пэй И. Ему ли было смущаться перед собственным мужем?

Он в шутку ткнул Чжана локтем в бок, но тут же был перехвачен сильными руками и увлечен в новый, еще более головокружительный поцелуй.

В определенные моменты он все же предпочитал сохранять крупы благопристойности: во время близости обращение «папочка» казалось ему верхом бесстыдства.

Чжан Шаочи негромко рассмеялся, отпуская его искусанные губы:

— Ладно, сдаюсь. Назови меня как-нибудь по-другому.

— Гэгэ, — выдохнул Пэй И.

Он перехватил ладонь Чжан Шаочи и лениво прикусил его безмятежный безымянный палец, на котором теперь красовалось новенькое обручальное кольцо.

Пэй И принялся неторопливо слизывать металл, едва не стащив кольцо зубами. Чжан Шаочи со смехом вырвал ладонь из его плена, пока этот ненормальный действительно не проглотил платину.

Чжан Шаочи ласково поцеловал его в закрытые веки:

— Твой гэгэ сегодня сам приготовит ужин. Позволяю тебе заказать любое блюдо. Ну так что, будешь есть?

В глазах Пэй И вновь заблестели слезы — на этот раз чистой, безмятежной благодарности судьбе за то, что они вместе.

— Буду.

Легкие волны мерно бились о сицилийский берег, оставляя на белоснежном песке кружевную пену.

Серебристый лунный свет струился сквозь окна кухни и гостиной, скользил по ступеням лестницы на второй этаж и мягко заливал спальню, укрывая своим прозрачным покрывалом их общую постель.

[Конец романа «Спящий с врагом»]

<http://bllate.org/book/19434/1999081>